

КНИГА О ЗАБАЙКАЛЬСКИХ КАЗАКАХ*

Впервые за 80 лет в России вышел в свет фундаментальный очерк о боевой работе частей и соединений в Китайском походе 1900—1901 гг., в русско-японскую войну 1904—1905 гг. и в первую мировую войну 1914—1918 гг., или, как ее называли в русской эмиграции первой волны, Великую войну. Русское военное зарубежье, пусть редко, малыми тиражами, но выпускало такого рода сочинения, и наконец-то ценные исторические материалы находят своего читателя на родине. Книга, вышедшая в Волгограде оптимальным в настоящее время для научных монографий тиражом в 5 тыс. экземпляров, продолжает эти традиции.

Труд Н.Н. Смирнова представляет собой популярный по изложению очерк-хронику об истории Забайкальского казачьего войска, начиная с XVII в. до наших дней. Автор переработал и представил на суд читателя громадный фактический материал о жизни и деятельности забайкальских казаков, их быте и традициях. Ему удалось показать основные черты казаков, самобытность Забайкальского войска. Автору, сотруднику Волгоградского областного архивного отдела, удалось написать интересное научное сочинение, читаемое как художественный роман. Немало этому способствовало то обстоятельство, что Н.Н. Смирнов имеет забайкальские казачьи корни, подвигнувшие его на книгу именно о забайкальских казаках.

Удачны исторические отступления, служащие историческим фоном основному повествованию, как, например, биографические справки о Д.М. Карбышеве (С. 229) или А.Н. Куропаткине (С. 464). В рассказе о генерале А.Н. Куропаткине автор сумел избежать пересказа расхожего заблуждения о гибели генерала в бывшем имении Шешурине в 1921—1922 гг. Оно получило свое начало при первопубликации дневников А.Н. Куропаткина кануна русско-японской войны 1904—1905 гг., когда академик истории М.Н. Покровский в предисловии повторил газетную «утку» того времени, не проверив как следует ее².

* **Смирнов Н. Н.** Слово о забайкальских казаках: исторический очерк-хроника. Волгоград. 1994.

Небезынтересны мысли Н.Н. Смирнова о качественных изменениях в офицерском корпусе русской армии за годы мировой войны в 1914—1917 гг. «Наводнившие армию офицеры военного времени из разных слоев общества упивались значимостью своего чина и вели себя разнузданнее, чем солдаты, разлагаясь вместе с ними. Вчерашний крестьянин, бедствующий студент или просто мешанин, став офицером, потеряв в первом бою свой патриотизм, под любым предлогом стремился в тыл, где легко попадал в руки большевистской пропаганды, увиливал от фронта. Элита офицерского корпуса — дворянство, для которого служба и война являлись делом всей жизни, эта элита, истребленная в боях 1914 г., растворилась в массе прапорщиков и поручиков, случайно ставших офицерами, и тоже уходила от борьбы за душу солдата, приняв нейтральную позицию. «Золотопогонники» из народа наводнили армию, они же потом составят основу Белого движения, и они же будут истреблять без суда и следствия своих братьев по классу, откуда они вышли. Часть офицерского состава окопалась в тылу, но другая, большая, продолжала сражаться на фронте и проливать кровь, поставив на алтарь победы свою жизнь. Фронтная часть офицерства с возмущением взирала на тыловых «героев», которых не обделяли ни чинами, ни наградами» (С. 517).

В данных умозаключениях ряд позиций вызывает сомнения. Прежде всего, кадровое офицерство мирного времени не было по преимуществу дворянским. На 15 мая 1895 г. среди офицеров русской армии потомственных дворян всех категорий насчитывалось 50,8%. Самый низкий процент дворян по родам оружия был в армейской пехоте — 39,6 %³. Разночинный состав офицерского корпуса отнюдь не означал господства разночинной идеологии. В данном случае Н.Н. Смирнов смешал социальное происхождение и то, что в современном лексиконе именуется менталитетом.

Полковник элитного полка гвардейской кавалерии, титулованный рюрикович или гедиминович и капитан, ротный командир в полку сибирских стрелков, из крестьян Саратовской губернии или мешанин города Сызрани, воспитывались в различных военно-учебных заведениях, в конечном счете пропитывались единой самодержавно-охранительной идеологией. Офицеры же военного времени не уходили от борьбы за душу солдата, приняв нейтральную позицию. Не получив полноценного военного образования, полуграмотные в профессиональном отношении, не воспринявшие в должной мере военного духа, они не могли, естественно, и воспитать солдата своего взвода или роты. Личная храбрость и патриотический порыв не могли компенсировать издержки и недостатки ускоренного обучения в военных училищах и на краткосрочных курсах прапорщиков военного времени.

Наконец, основу Белого движения составляли не упомянутые «золотопогонники» из народа, как утверждает Н.Н. Смирнов, а кадровые армейские офицеры, как личную трагедию пережившие крах старой России и ее армии. Эти провинциальные «армеуты», цементующая основа старых армейских полков и носители их традиций, оставшиеся в живых после сражений 1914—1916 гг., и составили ядро Добровольческой армии Л.Г. Корнилова времен первого Кубанского «Ледяного» похода. Л.Г. Корнилов был типичным представителем этой категории офицерства, пусть и являлся офицером Генерального штаба с высшим военным образованием.

Потери выбили ряды «первопоходников», как они сами себя именовали, и мобилизации офицеров белым командованием разбавили боевые части и прежде всего тыловые учреждения белых армий случайным элементом, зачастую авантюристами и уголовными преступниками. В плане социологии характерным авантюристом был маргинализированный офицер военного времени, привыкший к убийству и мародерству за годы германской войны. В этой связи характерны такие атаманы эпохи гражданской войны, как офицер военного времени, штабс-ротмистр 2-го лейб-уланского Курляндского полка С.Н. Булак-Булахович, успевший послужить и в белом, и в красном станах гражданской войны. Или, например, известный сподвижник Булак-Булаховича и Бориса Савинкова «полковник» Сергей Павловский — в недавнем прошлом поручик, числившийся по запасу армейской кавалерии во 2-м лейб-гусарском Павлоградском полку.

Экстравагантна и экзотична даже по меркам гражданской войны фигура некоего П.Р. Бермонта-Авалова. Корнет запаса армейской кавалерии, выходец из казаков Уссурийского войска, в мировую войну служил в 4-м Сибирском казачьем полку, а затем был личным адъютантом командира 31-го армейского корпуса генерала от артиллерии П.И. Мищенко, прославленного кавалерийского военачальника в русско-японскую войну 1904—1905 гг. В 1917 г. Павел Рафаилович Бермонт назвался осетинским князем Аваловым (или купил титул, или был усыновлен горским князьком, или присвоил родовой титул в прямом лексическом значении этого слова, — то была темная история) и кадровым кавалерийским полковником, невзирая на то, что никто из кадровых офицеров не помнил и не мог помнить Бермонта как офицера армейской кавалерии мирного времени. П.Р. Бермонт-Авалов собрал на территории Прибалтики двухтысячную армию из таких же, как сам, ландскнехтов и «искателей приключений». Эта армия стяжала себе славу в основном в убийствах, грабежах и мародерстве, дискредитируя Белую идею и главнокомандующего белыми силами на Севере-Западе России генерала от инфантерии Н.Н. Юденича.

Атаман И.П. Калмыков и добрая половина окружения Г.М. Семенова также принадлежали к этому сорту офицеров, имевших общие со старой кадровой армией лишь погоны и кокарды.

Определенная часть офицерства военного времени в прямом смысле слова опустилась, пополнив ряды уголовного мира. Создавались банды под главенством авторитетов из т.н. «бывших» — лиц, имевших в прежней жизни более или менее привилегированный социальный статус. Так, характерным примером этого является раскрытая и ликвидированная 24 мая 1918 г. ЧК банда «самочинцев», руководимая неким полковником Погуляевым-Демьяновым⁴.

Данные обстоятельства не учитывались историками, да и не могли, видимо, учитываться воспитанниками марксистско-ленинской исторической школы, не чувствовавшими дух старой армии, но писавшими о ней. Этот дух постигается лишь при глубоком, непредвзятом изучении старой военной литературы и эмигрантской мемуаристики в жанре полковой истории. Эти «маленькие истории» бесценны для историка, примечания зачастую значительно основного текста, мелкие штрихи один драгоценнее другого, предельно необходимы для Большой истории Русской армии, которая еще не написана, хотя задел уже есть в виде трудов А.А. Керсновского и других авторов, но это лишь первые шаги... Книга в жанре полковых историй⁵ Н.Н. Смирнову, на наш взгляд, удалась. Хотя дух старой армии автор, по-моему, в должной мере не воспринял. Иначе бы 2-й грендерский Ростовский и 4-й грендерский Несвижский полки (оба — 1-й грендерский дивизии, в мирное время дислоцированной в Москве) не были бы названы пехотными полками (С. 415). И 208-й пехотный Лортийский полк 52-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса бывшего коменданта крепости Владивосток генерала В.А. Ирмана не был бы поименован «208-м Ларийским». Белоэмигрантский историк из кругов, близких к Русскому Общевоинскому Союзу (РОВОС), такой ошибки не мог допустить в принципе.

В целом же книга выдержана в духе казачьего патриотизма. Справедлив и в высшей степени гражданствен по своей значимости вывод Н.Н. Смирнова о том, что «казаки-зabayкальцы при своем относительно низком уровне грамотности и культуры отнюдь не были забитыми, тупыми людьми. Они хорошо понимали то, что им объясняли, растолковывали...». Тем самым опровергается постулат большевистской историографии о том, что казачество ушедшее, в белый лагерь, состояло из озверевшей офицерско-кулацкой верхушки и ведомой ею массы тупиц (С. 538).

Дух казачьего патриотизма наложил и определенный негативный отпечаток на содержание книги. Лишь единожды, как бы мимоходом, автор оговаривается, что в мирное время Забайкальское казачье войско боевой подготовкой практически не занималось, а растаскивалось по различным командировкам (караульная и конвойная служба на приисках и заводах горного ведомства и на частных золотых приисках, служба вахтерами и сторожами в доме казачьего атамана, в магазинах мундирных и амуничных вещей, в фельдшерской и повивальных школах) и представляло собой в конечном счете не боевую силу, а охранно-полицейское формирование (С.63). Все это, а также большие недостатки в постановке быта и повседневной жизни первоочередных частей Забайкальского войска заметил наказной атаман Приамурских казачьих войск, командующий войсками Приамурского военного округа и Приамурский генерал-губернатор генерал-лейтенант С.М. Духовской, инспектировавший вверенный ему округ по вступлении в должность в августе-октябре 1893 г. Так, в одном из приказов как негативный фактор, влияющий на боеготовность частей, оценивается командировка 154 казаков войска в распоряжение топографов и инженеров путей сообщения, производивших съемки и изыскания для предстоявшей постройки Забайкальской железной дороги⁶.

Нельзя не отметить наличие значительного числа опечаток и ошибок в списке использованных источников и литературы, которые способны затруднить библиографические поиски читателю. Однако позитивное научное и познавательное значение книги перевешивает отмеченные недостатки. Ее хорошее полиграфическое исполнение, иллюстрации в оригинальной графической манере, словарь устаревших военных терминов XIX — начала XX в. привлекают внимание как специалиста, так и массового читателя.

² Красная газета: Орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1923. 14 июля. С.2.

³ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М., 1973. С. 203.

⁴ Константинов Андрей. Бандитский Петербург: Документальный очерк. СПб., 1996. С. 58.

⁵ Возрождение. Под ред. С.С. Оболенского. Париж, 1967. № 183. С. 124.

⁶ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 185. Л. 305.

В. Н. ЗУЕВ, научный сотрудник
Института истории ДВО РАН.